

В. В. ШУЛЬГИН

Опыт Ленина

<Фрагмент>

Вернемся к «опыту Ленина».

Мое мнение, сложившееся за сорок лет наблюдения и размышления, сводится к тому, что для судеб всего человечества не только важно, а просто необходимо, чтобы коммунистический опыт, зашедший так далеко, был беспрепятственно доведен до конца.

Может показаться странным слышать такие речи из уст убежденного сторонника индивидуализма. Но если поразмыслить, то именно так, как я говорю, я и должен говорить... Но я ведь не сверхчеловек, как все большие реформаторы. Я не пошел бы на такой опыт, по крайней мере не положил бы русский народ на стол под нож экспериментатора. Но вышло не по-моему. Опыт начали, опыт продолжается. И экспериментаторы утверждают, что если им не будут мешать, то примерно через сорок лет мирного существования они действительно осуществят рай на земле, который они обещали тоже сорок лет тому назад.

Отношение ко всему происходящему сейчас в мире должно определяться тем, чего надо желать: беспрепятственного продолжения опыта Ленина или его насильственного прекращения.

Я твердо стою за продолжение опыта с тем, чтобы довести его до конца.

Великие страдания русского народа к этому обязывают. Пережить все, что пережито, и не достичь цели? Все жертвы, значит, насмарку?

Нет! Опыт зашел слишком далеко...

Черногорец не терпит над собой инокровной власти. Бедный до невероятия, он века просидел на своей бесплодной Черной Горе, но ни султаны, ни сам Наполеон не могли этими непреклонными горцами овладеть, как и орлами в небесах.

Черногорцы. Что такое? —
Бонапарте спросил.
Говорят, что племя злое
Не боится наших сил!¹

Русский иной. Жители равнин, открытых для всяческих нашествий, русские должны были склоняться перед неодолимой силой вроде монголов. Они должны были вытерпеть татарское иго, продолжавшееся 250 лет. В этих испытаниях русские выработали удивительную живучесть и приспособляемость. И потому они явились прекрасным материалом для постройки «системы без свободы». Не случайно, что коммунизм строится на наших просторах, а не в Англии, например.

В данном случае Карл Маркс, по-видимому, ошибся. Он мыслил, что коммунизм придет как следствие развитого капитализма, изжившего самого себя в своих собственных противоречиях. Страной развитого капитализма была в ту пору Англия; и Маркс, вероятно, думал, что Англия покажет пример и первая сделает коммунистический опыт. Но на поверку вышло иначе.

Россия, а не Англия оказалась подходящей почвой для выращивания социализма-коммунизма, и Ленин, который отнюдь не англичанин, начал грандиозный опыт, длящийся уже сорок лет...

Некоторые явления уясняются только при продолжительном их наблюдении.

Славянофилы сто лет тому назад провозгласили свое учение.

Православие! Самодержавие! Русский народ!

Вот три кита, на которых, по их мнению, стоит русская земля. Они могли бы прибавить и четвертого: поземельную общину. Славянофилам казалось, что общинное землевладение есть природная особенность славян, которой они отличаются от других рас. В этом русских славянофилов поддерживал Мицкевич, знаменитый польский поэт.

Славянофилов взяли в штыки. Их опровергли, осмеяли и сдали в архив истории. Но вот прошло сто лет. И если внимательно приглядеться к тому, что творится ныне на святой Руси, то невольно приходишь к выводу:

— А ведь славянофилы кое в чем были правы!

Как так? Ведь они проповедовали примат православия! А православие еле терпится в Советском государстве. Одинокие церкви, где идет служба Божия, маячат среди множества других, превращенных в музеи в лучшем случае. Обыкновенно же церкви отданы под склады всякой всячины, а иногда в церковных зданиях помещаются хлева. Можно ли такое положение считать торжеством православия?

Конечно, нет. Но можно взглянуть на дело немного глубже, с несколько иной точки зрения.

Что такое православие? Это религия. А что такое религия? Религия — это вера. Религиозное устремление — это потребность души человеческой в вере.

Все явления жизни можно осваивать либо рассудочно, либо с помощью веры. Славянофилы, обозначая православие как первый устой для России, хотели сказать, что в русской душе заложена глубокая потребность в вере. И это оправдалось.

Верить можно в разное. Существует на свете бесконечное число религий. Они верят в разное и по-разному. Но общее у всех религиозных людей — это потребность верить. Верить не рассуждая.

Что же произошло в наши дни? Произошла перемена в отношении объектов веры.

Пусть в толще своей русский народ перестал верить в Бога и Иисуса Христа, Сына Божия. Но потребность в вере в его душе осталась...

Атеизм русского народа — это вера, чистойшей воды вера. И поэтому этот атеизм носит в себе признаки веры: нетерпимость к другим верам, потребность искоренять их, глумиться над ними. Это происходит из глубокого убеждения, что только она, вновь обретенная вера, истинна. Поэтому хочется лежать перед ней во прахе и, если нужно, умереть за нее.

Кто вдумается в происшедшее, должен будет признать, что русские народные массы восприняли материализм религиозно...

И верят. Иначе быть не может. Есть люди и целые народы, которым необходимо верить. Таковы русские.

Как бы там ни было, крушение православия в России показало, что русский народ не может быть без веры. Вместо одной появляется другая. И потому правы были славянофилы, когда они выдвинули религию как первый устой русского мировоззрения.

Самодержавие. Это второй член славянофильского символа веры.

В январе 1926 года, приехав в Ленинград и выйдя из здания вокзала, я увидел на площади монументальный памятник императору Александру III. Подойдя ближе, я прочел надпись:

Мой сын и мой отец народом казнены,
Но я пожал удел посмертного бесславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья².

Навеки? Как люди могут ошибаться. Но я тогда еще не знал этого наверное. Поэтому я разразился экспромтом, продиктован-

ным мне божеством. Если бы я знал тогда то, что я знаю теперь, я только улыбнулся бы.

Впрочем, я кое-что уже предугадывал тогда и даже несколько раньше. В книге «1920 год»... А впрочем, это не важно, что мне тогда мерещилось. В общем, я предчувствовал появление нового самодержавца Всероссийского... Мне кажется, что в 1927 году он уже и родился. И с этого времени единодержавие Сталина росло и крепло и наконец достигло силы почти сказочной³. Трудно найти в истории со времен Чингисхана властителя более могущего и абсолютного. Французский король Людовик XIV говорил про себя:

— Государство — это я!

В его устах это была звонкая фраза, но если бы эти слова повторил Сталин, то это была бы сама действительность. Если Сталин наморщил брови, то это могло означать смерть многих людей и даже целых народов. Если Сталин улыбнулся, то мог пролиться дождь милосердия. Если он задумался, то это могло быть нарождением всяких начинаний, вплоть до перемены географии и климата.

По мановению вождя появлялись озера, каналы, моря и вырастали как грибы после дождя миллионные города. Пирамиды фараонов, в свое время бывшие чудом единовластия, повторились при Сталине в ином виде, но в более грандиозных размерах. Была создана колоссальная военная промышленность, благодаря которой была отбита грозная атака Гитлера. В этой войне самодержавие Сталина достигло своего апогея, высшей точки. Разумеется, превосходные планы русских генералов и природное боевое могущество русского народа для меня вне сомнения. Но без исконной способности обожать своего монарха и повиноваться ему беспрекословно, каковую способность Сталин сумел воскресить в русском народе, Россия не выдержала бы удара Германии.

Это обожание Сталина и каменную веру в него я ясно мог ощутить, когда страна, где я жил (Югославия), была оккупирована, и я три месяца провел в ближайшем соприкосновении с советскими войсками. Да простят меня, но это воинство по внешнему виду мало походило на дисциплинированную армию вроде немецкой. Оно скорее напоминало некую восточную орду, стихийно заливающую страну. Но эта орда была оснащена тщательно подготовленной техникой, и вел ее вождь, в которого эти люди безоглядно, свято верили и готовы были за него лечь костями.

Объявив войну с Гитлером «отечественной», то есть заимствовав это название от войны 1812 года, войны с Наполеоном, Сталин окончательно стал в позу Александра I, императора Всероссийского. Таким образом, самодержавие, то есть соединение всей власти в одних руках, еще раз сыграло великую роль в истории русского народа...

Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Навеки! Вечность длилась десять лет. Бедный Демьян Бедный. Это он составил издевательскую надпись для памятника Александра III. Но судьба, злая насмешница, посмеялась над плохим пророком.

Самодержца забыли. А само самодержавие? Перешло ли оно к кому-нибудь другому или, по Демьяну Бедному, на этот раз действительно сброшено навеки?

Не знаю. Но вряд ли. Ведь его причина душа человеческая. Не думаю, чтобы в русских душах пропала потребность подчиняться одному обожаемому. Она, эта потребность, образовалась в течение веков и, может быть, веками будет изживаться.

Самодержавие сейчас существует потенциально. Оно таится в руках того или тех, кто после 25-летнего идолопоклонства заставили народ в пять лет забыть совершенно о предмете своего обожания. Оно, это скрытое самодержавие, понимает, что русская душа не терпит пустоты, что она должна кого-то обожать. И потому народу указали, перед кем надо преклоняться...

— Ленин!

Пока обстоятельства не потребуют живого самодержавца, хорошо обеднять души человеческие в культе мертвого. Это правильно. Ленин своим загробным авторитетом оправдывает и осеняет дела живых.

Но если обстоятельства изменятся, появится, надо думать, самодержавец живой! В культе Ленина не найдешь ответа на некоторые, самые животрепещущие вопросы. Мертвый не может объявить, а тем более вести войну.

А ведь мы живем до сих пор «на грани войны».

По всем этим вышеизложенным причинам и обстоятельствам я думаю, что славянофилы были правы, когда вторым членом своего символа веры они обозначили самодержавие, точнее было бы сказать единодержавие, как говорил знаменитый историк Ключевский. Он думал так: единодержавие было бы наилучшей формой правления, если бы не случайности рождения.

Этим он хотел сказать, что наследственное единодержавие наталкивается на подводный камень, когда на престол вступает неспособный правитель только потому, что он сын своего отца.

Но в наше время самодержавцы всходят на незримый свой престол не в силу рождения, а в силу своих личных качеств. Они, так сказать, сами зарабатывают свою невидимую корону. Поэтому для наших дней «если бы» Ключевского отпадает.

Судилище

Не разойтись уж нам без встречи роковой.

«Пиковая Дама».
Пушкин. Чайковский

Мне кажется, что я могу приступить к моей последней «встрече» с Лениным.

Она происходит сейчас. И это роковая встреча. Роковая для меня. Я чувствую: или мы как-то сговоримся...

Сговориться! Сговориться с покойным?

Для меня загробная жизнь — реальность. Ленин жив. И я иногда вижу его во сне.

На такое заявление кто улыбнется, кто рассердится. Но я не могу изменить совершенно реального факта: я вижу иногда Ленина во сне. Это так же верно, как то, что я никогда не видел его наяву.

И мне надо с ним сговориться. Не для него, а для себя. Он великий человек, а я ничто в смысле следа, который я оставляю в этом мире. Но в смысле естественных прав человека мы равны. К естественным правам человека я отношу и право на чистую совесть, право ощущать себя неправым.

После Бога самая великая сущность существования — это диавол. Желательно было бы оказать справедливость и тому, кто был денницей, то есть первым архангелом, а потом стал бесом. Но невозможно, на мой взгляд, будучи человеком, судить о делах ангельских, хотя это делали Байрон и Лермонтов.

Но я поставлен своею совестью в такое положение, что мне необходимо дать самому себе отчет, как я отношусь к Ленину, которого одни считают величайшим из людей, а другие называют антихристом, то есть сатаной.

Последний сон, который я видел о Ленине, был несколько месяцев тому назад, если не год. Он был такого содержания, что потребность определить свое отношение к Ленину стала неотступной. Этот сон можно считать вещим, пророческим, так как он сейчас сбывается. Короткий был это сон, но многозначительный.

Где-то, в незнакомом мне помещении, но слегка напоминавшем залу суда, где меня самого судили в Киеве, должен был состояться новый суд. На трибуне уже сидел судья. Справа от него на кафедре стоял прокурор, обвинитель. Но слева, где место защитника, было пусто. В местах для публики, кроме меня, не было никого.

Вдруг в залу вошел Ленин. Он прямо подошел ко мне. Сказал: — Не хотите ли быть моим защитником?

Я понял, что здесь будут судить именно его, Ленина. Я посмотрел на пустое место слева от судьи. И понял, что у Ленина

нет защитника. И ощутил, что так нельзя. Невозможно судить человека, у которого нет защитника. А сам он не мог, то есть не должен был защищаться, ведь никто не судья в своем деле. И я без колебания ответил:

— Хочу.

Если бы я принадлежал к благородному сословию поэтов, о которых Пушкин сказал:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман... —

то здесь сфальшивил бы. Я изложил бы дальнейшее, как продолжение моего сна; так было бы эффектнее. Но в таком деле, как настоящее, когда человек обыскивает самые затаенные уголки своей совести, не должно быть никакой подрисовки. Поэтому я должен честно сказать, что после того, как я сказал Ленину «хочу», я проснулся. Несносное свойство снов (моих), иногда обещающих много, что они почти всегда прерываются на самом интересном месте.

Итак, обещание, данное мною Ленину во сне, во сне не было исполнено. Поэтому я хочу быть его защитником не в загадочном состоянии сна, а наяву, то есть в полном сознании, или, как говорят иногда, в здравом уме, в твердой памяти.

Но все же, чтобы покончить с этим сном, я хотел бы ответить на естественный вопрос: почему у Ленина не было защитников?

Говоря о загробном мире, Христос выразился так:

— У Отца Моего обителей много.

Этим, вероятно, давалось понять, что души умерших не находятся все вместе. Там, где хотели судить Ленина, была обитель душ, ставших жертвой «опыта Ленина». В этой обители у Ленина не нашлось защитника.

Прокурор, обвинитель, бросил на чашу весов правосудия все, что говорило против Ленина. Он говорил долго, я изложу его речь в сжатом виде.

Он вменил Ленину в вину государственную измену. Все деяния, которые были в пользу противника. Разложение армии, деградирование офицеров, фактическое уничтожение русского фронта.

С особой силой обвинитель обрушился на проповедь сепаратного мира. Ленин не только сам изменил своей родине, он требовал, чтобы изменником стал весь русский народ, запятнав свою национальную честь. Требовал, чтобы Россия нарушила свои обязательства перед союзниками, отступила от торжественных своих обещаний. И получив власть, он, Ленин, заключил Брестский мир, который был понят союзниками и особенно Францией именно

как измена. Ведь Франция, объявив войну Германии, поступила так во исполнение своего договора с Россией о взаимной помощи в случае нападения. Она воевала честно и верно, несмотря на то, что потери Франции, пропорционально численности населения, были гораздо тяжелее, чем потери России.

— Брестский мир! — восклицал прокурор. Ведь это было как раз то, что ставила себе целью Германия. В апреле 1917 года, еще не получив власть, Ленин объявил независимость Украины. Это было сделано для того, чтобы в январе 1918 года представители Украины могли заключить мир с немцами наравне с представителями России. Немедленно после заключения этого мира между Германией и Украиной последняя пригласила немцев занять ее территорию.

Таким образом, Брестский мир отодвинул русский народ ко времени Богдана Хмельницкого, то есть на триста лет назад. Тогда Россия северная была только Московской. А Россия южная, Малая Русь, была под властью поляков. По Брестскому миру поляков сменили немцы, осуществившие польскую мечту «от моря до моря». Вот славные деяния Ленина.

Чаша, на которую прокурор бросил все это, пошла вниз. Это были тяжелые обвинения.

Но прокурор продолжал. Ленин, прекратив войну внешнюю, перевел ее в войну гражданскую. Зазвучали лозунги:

— Грабь награбленное. Смерть буржуям!

Ленин сказал:

— С буржуазией надо не бороться, уничтожить ее надо!

Поистине прав был бывший соратник Ленина, академик Струве, когда он назвал его:

— Думающая гильотина!

И прокурор приводил бесконечный список казненных, заключенных и бежавших в белый свет людей, ограбленных до нитки. Этот список начинался императорской фамилией и служителями Церкви, затем перечислял офицеров, от генералов до прапорщиков, помещиков-дворян и помещиков-недворян, купцов, промышленников, интеллигентов всяческих видов и занятий, чиновничество и либеральные профессии. Список безмерно пополнился тружениками хлебобобовыми. Этих за то, что они меньше пьянствовали и много работали, почему и стали зажиточными, обозвали кулаками и уничтожили.

— Нужны ли были все эти жестокости? — спрашивал прокурор.

Император, который был виноват только тем, что родился наследником престола, не имея царских качеств, когда он окончательно убедился в том, что знал с самого начала, то есть что он

не может править Россией, отрекся от трона. Оставив власть, он не проявлял никакого желания ее себе вернуть.

Почему надо было его убивать со всей семьей?

Буржуазия? Буржуазия, поскольку она представляла имущие классы, устами председателя Государственной Думы Родзянко, заявила:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Буржуазия соглашалась на «грабь награбленное» во имя Родины. Ужели этих людей надо было считать классовым врагом?

Нет! Струве ошибся. Ленин был не думающая гильотина, а просто гильотина, жаждавшая крови человеческой!

И обвинитель водрузил на чашу весов правосудия два сосуда, вмещавших моря. Оба были сделаны из чистейшего хрусталя. И сквозь его беспорочную прозрачность видно было содержимое сосудов. В одном было море крови, в другом море слез.

Под тяжестью этих сосудов чаша обвинения угрожающе пошла вниз. Лицо судьи стало суровым.

И вот он обратился ко мне:

— Защитник, ваше слово.

Мое положение было трудным. Кровь, дымясь красным дымом, взывала об отмщении. От слез поднимался беловатый пар. Он, поднимаясь и расширяясь, становился прозрачным серебристым облаком. Это была скорбь душ, переживших убиенных.

И я не знал, как мне начать. Вдруг меня осенила мысль, воспоминание. Но, сильно волнуясь, я смог только закричать одно:

— Анания!

Судья внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Успокойтесь и объяснитесь.

Я сладил с волнением и стал говорить.

Мое первое слово будет к тем, кого здесь нет в этом зале. Но они, жертвы опыта, начатого Лениным, там, за стенами; и оттуда они видят и слышат. Я обращаюсь к тем из них, кто горделиво почитали себя христианами. Из них многие читали книгу, озаглавленную «Деяния Апостольские». В ней среди другого повествуется, как община первых христиан хотела устроить жизнь согласно учению Христа. И состоялось решение, что у верующих в него будет все общее. И вот каждый, приходя к апостолам, заявил обо всем, что у него есть. И среди других пришел некто Анания со своей женой. И они не показали всего, что у них было. Они утаили часть своего имущества. И когда ложные показания были произнесены, апостол Петр сказал:

— Анания, ты солгал не людям, а Богу!

И тотчас же Анания со своей женой пали мертвыми к ногам апостола.

Таким образом первая же попытка устройства коммунизма омрачилась смертной казнью. И апостол Петр, лично знавший Иисуса Христа и кротость его; тот самый Петр-Симон, к которому были сказаны слова «взявший меч от меча и погибнет», когда Петр хотел оружием защищать своего учителя, этот самый Петр заблудился еще раз. Он признал казнь Анания оправданной, приписав ее Духу Святому.

Это заблуждение, эта ошибка апостола Петра имела роковые последствия. Вдохновляясь этим примером, позднейшие христиане, не дожидаясь вмешательства Св. Духа, сами, своими человеческими руками сжигали на кострах святой инквизиции и казнили другими способами множество людей, которых они так или иначе признавали виновными против Бога. «Для вящей славы Божьей» это делалось и этим оправдывалось.

Если так заблудились святой апостол Петр и тысячи и миллионы людей после него, истребляя друг друга с именем Христа на устах, то при свете этих страшных факелов истории иную оценку должны получить деяния Ленина. Мы должны взглянуть на них спокойными глазами людей помнящих: помнящих печальное прошлое всех времен и народов.

Эта кровь и эти слезы, что положены на чашу обвинения, вопиют к небу. Но если положить на чашу защиты все, что было до Ленина, то деяния его покажутся легкими в сравнении с той кровью и теми слезами, которые пролили наши предки и наши современники во имя сомнительной односторонней правды, которую они, однако, считали непререкаемой истиной.

Когда я это сказал, чаша обвинения перестала опускаться. Кровь и слезы, пролитые только одними христианами во имя Христа, учение которого они всегда извращали или просто не понимали, весили безмерно. Я продолжал:

— Из того, что другие лили кровь, не следует, конечно, что кровь, пролитая Лениным или во имя опыта Ленина, праведна. Но из этого следует, что мы, все мы, что забрызганы кровью, пролитой нами или нашими духовными предками, не можем, не должны, не смеем судить Ленина так, как будто мы сами безгрешны и руки у нас белоснежные.

Не я ли в Государственной Думе защищал необходимость применения смертной казни против революционеров, которые присвоили себе право убивать неугодных им лиц, вынося им свои приговоры в подпольных своих судилищах?

Да, я. И потому я не имею права, рассуждая по справедливости, бросить камень в Ленина. Я помню, как Христос остановил евреев, желавших казнить грешницу, словами:

— Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень. Безгрешного не нашлось, и обвинители, убедившись, отступили. Так должен отступать каждый, кто применял смертную казнь или, как я, ее одобрял.

И в особенности надо помнить, что произошло, когда христиане пытались ввести коммунизм, то есть случай с Ананием. Соблазн вводить коммунизм путем террора так, видно, силен, что заставляет людей во имя Христа отречься от Христа.

В Христовом учении содержится коммунизм и любовь к людям. Кто отказывается от коммунизма, отрекается от Христа. Но также отрекается от Христа тот, кто во имя коммунизма оправдывает смертную казнь. Христос там, где коммунизм соединяется с любовью, кроткой любовью.

Но Ленин не был христианином, не веровал в Христово учение, а потому он от Христа не отрекался. С этой точки зрения кровь, пролитая им, приравнивается к крови, проливаемой язычниками. Язычники, любящие кровь человеческую, менее виновны, чем христиане, когда они поступают так же. Ибо кроме жестокости они виновны в лицемерии. О таких Христос говорил:

— О род лицемерный, порождение ехидны!.. Вы подобны гробам. Сверху они раскрашены пышно, а внутри мерзость.

Обо всем этом надо вспомнить нам, когда мы безоговорочно, закусив удила и закрыв уши, осуждаем Ленина за кровь. Лучше ли мы сами?

Я посмотрел внимательно в лицо судьи. Оно стало задумчиво. Он сказал:

— Продолжайте.

— Обвинитель очень сильно говорил о Бресте, о Брестском мире. Сорок лет тому назад я думал, говорил и писал то же самое. Теперь я признаю, что можно рассудить и иначе.

Представим себе, что Ленин стал бы на нашу точку зрения:

— Война до победного конца!

Примем во внимание, что Февральская революция имела своей главной причиной утомление от войны. На этой почве Государственная Дума поссорилась с Коронай. Монархия пала. В то мгновение, когда это случилось, сломалась ось, вокруг которой крутилось русское колесо. И все развалилось. Колесница безнадежно стала, мало того — увязла в болоте анархии. Как я теперь понимаю, продолжать войну было безумием. Пусть это безумие продиктовано было высокими чувствами, но все же это было безумие, фактически войну уже нельзя было продолжать. Февральская революция была военным мятежом в столице, который передался на фронт. Известно, что для подавления этого

мятежа с фронта была снята одна из лучших дивизий и послана на Петроград. Но она взбунтовалась по дороге. Взбунтовался также и личный конвой государя, два батальона, состоявших исключительно из георгиевских кавалеров. Он тоже был отправлен на усмирение под командой популярного генерала Иванова.

Временное правительство пыталось овладеть фронтом. Но наше наступление 18 июня 1917 года, вдохновляемое лично Керенским, кончилось позорным бегством наших войск. Россия ужаснулась, узнав о безобразиях, учиненных бежавшими солдатами под Калишем.

Утомление войной сказалось уже раньше. В 1916 году нам было доложено в Особом Совецании по обороне цифры наших потерь и потерь противников. Наши потери, по немецким подсчетам, исчислялись в восемь миллионов убитых, раненых и пленных. Цифра сдавшихся в плен была очень велика. Потери противника были четыре миллиона. Немцев-германцев было у нас в плену 300 тысяч, но австрийцев неизмеримо больше. Это были главным образом славяне, не желавшие воевать с Россией. Но и русских солдат было в плену у противника чрезвычайно много. Это был серьезный показатель.

Война была ошибкой. Нельзя было посылать русских пахарей на смерть ради суверенитета Сербии и за наш престиж на Балканах. Для безграмотных людей суверенитет и престиж были понятия совершенно непонятные. И это сказалось.

Надо сказать, что посылать разложившуюся русскую армию против армии немецкой, не потерявшей дисциплины, — это уже нельзя было назвать войной. Если бы наши пошли, это означало бы их истребление.

Сохранился (он был в немецких газетах) рассказ одного немецкого офицера. Он говорил:

— Русские иногда предпринимали разрозненные, беспорядочные, а потому безнадежные попытки идти на нас. Однажды мне пришлось видеть в бинокль то, что я сначала не понял. Несмотря на наш сильный огонь, они приближались, делая перебежки согласно правилам наступления. Перебежав, они ложились, как полагается. Но мы заметили, что перед каждой новой перебежкой, лежа, они подымали одну руку. Сделав это, вскакивали и делали новую перебежку. И, наконец, мы поняли. Несчастные голосовали! Поднимая руки, они решали, делать ли новую перебежку. Если было большинство, они ее делали.

Немецкий офицер добавляет, что эти голосующие под огнем пулеметов и находившие до известного времени большинство, были несомненные и даже удивительные герои. Но каждый понимает, что голосующая армия воевать не может.

Поэтому найдем в себе мужество признать, что после Февральской революции воевать «до победного конца» было утопией. Можно было только добиваться «похабного конца».

Ленин взял на себя этот позор. И он не скрывал ни от самого себя, ни от своих союзников, что такое Брестский мир. Ведь выражение «похабный мир» ему и принадлежит.

Но под этой «похабностью», рассуждая спокойно, можно разглядеть нечто, что могло оправдывать потерю Россией своего Юга. И это нечто — это кровь человеческая. Каков бы ни был этот мир, но он прекратил бойню на русском фронте, сохранив много жизней. Это как будто бесспорно.

— Нет! — говорят. — Бойня не прекратилась. Ленин перевел внешнюю войну в войну гражданскую. Он сделал это сознательно, и это его вина.

Но и наша также. Ведь мы также могли взять на себя позор Бреста. Некоторые из нас так и поступили. Когда генерал Скоропадский со своими сторонниками принял предложение немцев и был ими посажен в качестве гетмана на Киевский престол, он стал фактически верноподданным императора Вильгельма II, на положении вассала. И его светлость отбыла в Берлин представляться его Величеству.

Что произошло в душе этого человека, я имею в виду Скоропадского? Он пережил то же самое, через что позднее во Вторую мировую войну прошел национальный герой Франции маршал Петен. Последний подписал мир с Гитлером на самых унижительных для Франции условиях. После разгрома Гитлера Франция присудила Петена к смертной казни, но ее заменили, ввиду его прежних заслуг, пожизненным почетным заключением.

Бывает, что человек топчет свою душу во имя ценностей более высоких. Такое духовное самоубийство может быть подвигом.

Об этом говорил Керенский на Всероссийском собрании в Москве в августе 1917 года⁴ в таких словах:

— Я растопчу цветы своего сердца, но я спасу Революцию и Россию!

Но не сказал, что он понимает под «цветами своего сердца». Несколько месяцев тому назад по его предложению была отменена смертная казнь. Но всяческие безобразия, которым предалась часть народа и армии, потеряв узду над собой, поселили в душе Керенского тяжелые сомнения. Он старался действовать убеждением, он верил в силу слова, и его в насмешку называли «главноуговаривающим», а его метод управления «керенщиной». Он понял справедливость этих стрел. Понял эфемерность слов, не поддержанных строгостью.

В этом собрании я говорил после него, Керенского, я начал свою речь так:

— Я очень хорошо понимаю вас, А. Ф.! Почему? Потому что мне, убежденному монархисту, пришлось принять отречение двух императоров. Это тоже значило «растоптать цветы своего сердца».

Кто знает, что испытало сердце Ленина, когда он подписывал Брестский мир? Это по форме был мир «без аннексий и контрибуций», а по существу отторжение от России всего ее Юга, вместе с Киевом — «матерью городов русских», откуда «пошла стала есть Русская земля».

Но благодаря этой ампутации сберегалось много крови человеческой. Не об этом ли думала «думающая гильотина»?

Но началась гражданская война. Однако в ней повинны и мы, Белые.

Через 40 лет я думаю, что мы сделали ошибку. Мы не поняли неизбежного. Чего именно?

Я знаю, что меня понять не очень легко. Тем не менее я попытаюсь объяснить то, что для меня уже ясно.

Коммунизм можно считать светлой мечтой человечества или называть его дьявольским наваждением. Быть может, в нем есть и то и другое. Для того, что я хочу установить, это не так важно. А важно то, что эти две точки зрения, лучше сказать две веры, нельзя примирить рассуждениями. Все доказательства разбиваются о каменность веры.

Нужен был опыт, эксперимент. Если в точных науках, как физика, химия, теоретические положения проверяются опытом, то в области наук социальных все теории — только мнения разных мыслителей. Эти мнения иногда стараются обосновать на фактах. Но когда устанавливаются эти факты и в особенности когда их толкуют, то это установление и толкование опять только мнения, убедительные для одних и совершенно бездоказательные для других. Факты всегда двулики или многолики.

Точная наука основывается на аксиомах, то есть истинах, всеми людьми признаваемых. Исходя из этих аксиом, шаг за шагом строится точная наука. Социальные науки аксиом не имеют, а потому их только с натяжкой можно назвать науками. Теоретические положения этих наук, всегда спорные, не могут принести мир людям.

Кроме того, все относительно в непрерывно развивающемся процессе жизни. Всякая эпоха есть достижение сравнительно с прошлым. Но настоящее есть ничто в сравнении с будущим. Такова природа самого времени. Время всегда называли Двуликий Янус. На самом деле время имеет три лица. Прошлое, настоящее,

будущее. Настоящее снисходительно смотрит на прошлое и с тревожной надеждой всматривается в будущее.

Противники коммунистов говорят, указывая на существующее:

— Глядите! Вот чего мы достигли, опираясь на индивидуализм.

А коммунисты отвечают:

— Опираясь на коллективизм, мы сделаем гораздо больше!

Убедите их! Тех и других...

Поэтому нужен опыт.

В течение истории человечества этот опыт коммунистического устройства, вероятно, был проделан не раз.

Бог (судьба для неверующих в Бога) избрал для опыта Россию. Почему? Не знаю. Пути Господни неисповедимы. Но для того, чтобы человечество могло жить, опыт должен был быть сделан.

Мы, Белые, этого не поняли. Если бы поняли, то не противились бы ему, то есть опыту Ленина. И не противились бы тому, что коммунизм вводится насильем. Ведь те, кто за него взялись, других путей не знали кроме насилия сверху, кроме принуждения власти. Ленин был русский. И история России была у него перед глазами.

...Большевики называют Петра Великого «первым большевиком». Не от него ли они восприняли методы насаждения коммунизма?

Русскому по крови трудно мыслить великое, совершенное без насилия. Поэтому когда Ленин взялся за свой опыт, он не представлял его себе без насилия. Если бы он был индусом, то, может быть, думал бы иначе: вроде как Ганди.

Мы, Белые, тоже не были индусы. По паспорту, правда, мы числились христианами. Но только по паспорту. Забыв слова Христа «взявший меч от меча и погибнет», мы обнажили оружие. Так возгорелась гражданская война в России.

Итак, теперь, с запозданием в 40 лет, я думаю, что для блага всего человечества и самой России надо, чтобы опыт Ленина продолжался и был доведен до своего логического конца... Идея коммунизма переживет нынешних коммунистов. Она воскреснет в среде победителей. Найдутся среди них пламенные мстители, которые будут сильнее Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Они скажут:

— Рай на земле был близок к осуществлению. Но враги рода человеческого сожгли светлое будущее в дьявольском пламени своей злобы. Смерть им!

Они будут иметь успех, и волынка начнется сначала.

Если насильственный коммунизм зло, то надо это зло вырвать с корнем. Как?

Надо предоставить ему развиваться, пока он не изживет самого себя.

Это может быть? В каком смысле надо понимать изживание коммунизма? В том, что называется московским коммунизмом, есть два явления, это ясно обозначается.

Этатизм. Государство взяло все в свои руки. Там, где это приложимо, государство творит чудеса. Поэтому этатизм останется.

Там, где государству нет места, оно напрасно ущемляет индивидуальность. Это неоправданное насилие будет постепенно отмирать. И тогда народится этатизм без насилия. И это будут называть истинным коммунизмом.

